

бы были быть отосланы в низшую школу премудрости, а именно: к элевсинским таинствам Цереры и Вакха¹, для того чтоб познать там тайну потребления хлеба и вина; потому что посвященный в эти таинства не только что доходил до сомнения в бытии чувственных предметов, но до полного отчаяния в их реальности и отчасти сам осуществлял ничтожество их, отчасти же созерцал его осуществление. И даже животные не исключены из этой премудрости, но оказывают себя в высшей степени в нее посвященными, потому что они не останавливаются перед чувственными предметами как для-себя-сущими, но, отчаиваясь в их реальности и в полной достоверности их ничтожества, бросаются на них и пожирают их; и вся природа торжествует эти открытые таинства разрушения, показывающие нам, что такое истина чувственных предметов».

«Утверждающие реальность чувственного единичного Бытия высказывают непосредственно противоположное тому, что они хотят высказать; явление, которое, может быть, более, чем всякое другое, должно привести к сознанию сущности чувственной достоверности. Они говорят о существовании *внешних* предметов, которые могут быть определены еще точнее, как *действительные*, абсолютно *единичные*, совершенно *личные*, *индивидуальные* предметы; существование их, утверждают они, заключает в себе абсолютную достоверность и истину. Они хотели бы высказать этот кусок бумаги, на котором я теперь пишу, но не могут его высказать, потому что мнимое чувственное это *недостижимо* для слова, выговаривающего только всеобщее; и действительная попытка выговорить его была бы самым лучшим доказательством его невыговариваемости; прибегнув к описанию, они никогда бы не окончили его и должны бы были предоставить его другим, которые должны бы были наконец сознаться, что они говорят о предмете, которого нет. Они мнят (*sie meinen*) именно этот кусок бумаги, а не тот, что лежит выше; но выговаривают только *всеобщее*; и то, что обыкновенно называется не выговариваемым, есть не что иное, как неистинное, неразумное, только мнимое. Если для определения единичного чувственного предмета говорят, что он – *действительный, внешний* предмет, то это не более как самые всеобщие определения, показывающие только его равенство с другими предметами и нисколько не обозначающие его различие от других. Определяя его как *единичный* предмет, я выговариваю совершенно *всеобщее*, потому что все предметы суть единичные предметы, точно так же, как и определение *этот* принадлежит равно всем предметам. Определив его точнее, как *этот кусок бумаги*, я ничего не выигрываю, потому что это определение может быть отнесено ко всякому и каждому куску бумаги. Если ж для дополнения слова, божественное свойство которого состоит именно в том, что оно превращает всякое мнение и не допускает мнимого *до выражения*, если для дополнения его я прибегну к *указанию*, то я узнаю на опыте, в чем состоит истина чувственной достоверности, я укажу его как *здесь*, которое заключает в себе множество других *здесь* или которое есть простое соединение множества *здесь*, то есть я укажу его как *всеобщее* и приму его так, как оно есть в истине, и мое знание из непосредственного знания непосредственного чувственного предмета превращается в *восприятие его истины* (*Wahrnehmung*)».

Вывод этот может показаться с первого раза софистическим; непосредственное чувственное существование есть необходимое условие, необходимый момент всякой истинной действительности, но не более как момент, получающий свое значение от другого, высшего, и не имеющий самостоятельного значения, существенности, вне этого отношения к другому: ошибка или, лучше сказать, ограниченность чувственной достоверности состоит в том, что, неразвившись до всеобщего и до действительно существенного, она приписывает существенность и истину единичным чувственным предметам, хотя по выше доказанному и беспрестанно сознает ничтожество их. Род животных, например, был бы не более как отвлеченное понятие, если б не осуществлялся в непосредственно пребывающем множестве *единичных этих животных*; но никто не станет утверждать, чтоб действительность его зависела от существования именно *этих* нами созерцаемых животных; напротив, они умирают как призраки, не имеющие в себе истины, и возвращаются в недра субстанции своей – идеи, которая, как имеющая в себе силу самоосуществления в непосредственном чувственном пребывании (*Daseyn*), всегда действительна и никогда не умирает. Употребление пищи есть необходимое условие органической жизни, и было бы невозможно, если б пища не пребывала в виде единичных чувственных предметов, но оно независимо от каждого из этих предметов в особенности; для возможности его необходимо пребывание единичного чувственного бытия вообще, но не именно *этого* чувственного предмета.

---

¹ Элевзинские (элеусинские) таинства – мистерии, совершавшиеся в греческой местности Элевсисе в честь богини земледелия Деметры и ее дочери Персефоны; Церера – римская богиня земли; Вакх, или Бахус (у греков иногда назывался Дионис, у римлян – Либер), – бог виноделия.